

А.Л. АНДРЕЕВ, И.А. АНДРЕЕВ, Е.Д. СЛОБОДЕНЮК

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О БУДУЩЕМ РОССИИ

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С.А. Герасимова, Национального исследовательского университета «МЭИ» (sympathy_06@mail.ru); АНДРЕЕВ Иван Андреевич – ассистент Национального исследовательского университета «МЭИ» (v-andreev_07@mail.ru); СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, старший научный сотрудник Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (eslobodenyuk@hse.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. Предметом статьи выступают представления россиян о перспективах развития страны и путях ее развития. На основе результатов всероссийских социологических опросов 2021–2022 гг. анализируются консолидированные запросы россиян на различные варианты будущего и идентифицируются их коллективные носители. Сравнивая результаты социологических исследований разных лет, авторы отмечают устойчивость представлений населения России о дальнейших путях развития страны. На первые места среди качеств, которыми должна обладать Россия будущего, большинство россиян ставят социальную справедливость, преодоление коррупции, смягчение социальных неравенств, переход к инновационной экономике, укрепление международных позиций страны. В своем понимании национальных целей, в запросах на будущее россияне опираются на коллективный исторический опыт, квинтэссенцией которого является убеждение большинства граждан в том, что «Россия должна жить своим умом», не оглядываясь на импортированные модели и образцы. Либеральные ценности в западном их понимании привлекают меньшинство граждан. Ставится вопрос о том, как различия в представлениях о должном и желательном применительно к будущему России соотносятся с базовыми социальными различиями (пол, возраст, образование, место проживания и др.). Дифференциация взглядов россиян по данному вопросу практически не связана со стандартными социально-демографическими различиями, а коренится в мировоззрении. Несмотря на рост тревожности, обусловленный изменением политической обстановки в мире, ценностные установки и запросы россиян на будущее в основном укладываются в тенденции, которые прослеживаются в социологических опросах последних двух десятилетий.

Ключевые слова: будущее • российское общество • образы будущего • социология будущего • российская ментальность • модель развития

DOI: 10.31857/S013216250020368-7

Социология будущего. Будущее, в повседневном значении слова, – это то, чего еще нет, но может быть в одном из многих возможных вариантов [Цой, 2013: 120]. Онтологический статус будущего значительно сложнее. Мы ведь не можем отчетливо зафиксировать момент, когда оно «уже пришло». В известном смысле то, что грядет, всегда «уже с нами», ибо всегда так или иначе содержится в нашем «сейчас». В общественном сознании современного типа инкорпорировано множество образно-смысловых элементов, выводящих нас за пределы сегодняшней реальности и как бы представляющих будущее-в-настоящем, его прожективные формы, существующие в модальностях возможного, вероятного и предпочтительного. Такие формы нельзя рассматривать как чистую игру воображения, поскольку они оказывают влияние на устремления, ценностные установки и реальное социальное поведение людей. Начиная с определенного исторического момента, хронологически обозначенного «Тезисами о Фейербахе» [Маркс, 1955], человечество не довольствуется простым ожиданием будущего, а стремится *производить* его в соответствии

со своими запросами. В обществе модерна образы желаемого будущего и его ожидания служат важнейшим фактором легитимации конкретных политических идей, программ и отстаивающих их политических сил. Представления о будущем выступают по отношению к меняющейся социальной реальности в функции аристотелевых целевых причин. В этом смысле Дж. Урри сравнивал социальное будущее с роком, направляющим сегодняшнюю жизнь людей [Urry, 2016], и это в значительной степени верно, несмотря на то что большая часть проектов будущего не реализуется и переходит в разряд *failed futures*.

Социальные науки призваны участвовать в процессе производства будущего, способствуя пониманию перспектив общественного развития. Как отмечал У. Белл, социология может изучать будущее несколькими способами. Во-первых, мы можем сосредоточить внимание на образах будущего, которые бытуют в социальных коммуникациях и культуре в различных модальностях (ожидание, прогноз, идеал, мечта, отношение к различным альтернативам будущего и т.п.). Во-вторых, можно анализировать цели, намерения, традиции и решения различных социальных акторов, действиями которых, собственно, и создается будущее. В-третьих, предметом изучения может стать динамика представлений о будущем, социальных мотиваций и моделей социального поведения с анализом последствий этих изменений [Bell, 2009].

Состоявшийся в 2016 г. в Вене 3-й Форум международной социологической ассоциации, проходивший под девизом «Будущее, которого мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир»¹, продемонстрировал многогранность проблемы, которая рассматривается современной социологической наукой в разных теоретических перспективах: технологической, экологической, постколониальной, феминистской, трансгуманистической и т.п. Мы ограничимся первым из перечисленных У. Беллом направлений. *Предмет нашего исследования – это характеристика образов России будущего, какой ее хотели бы видеть россияне.* Мы рассматриваем эти образы в двух аспектах: с точки зрения содержательной характеристики идеалов и устремлений наших сограждан и с точки зрения оценки ими рисков и перспектив развития страны, выявляем и описываем группы россиян, наиболее значительно различающиеся между собой по видению желаемого образа будущей России.

Эмпирической базой послужили результаты опросов Института социологии ФНИСЦ РАН в марте 2021 и марте 2022 гг. в рамках проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз»². Массовые опросы населения РФ осуществлены по репрезентативной общероссийской районированной квотной выборке. Объем выборочной совокупности составляет 2000 респондентов, репрезентирующих взрослое (18 лет и старше) население РФ по параметрам пола, социально-профессионального статуса, образования и типа населенного пункта проживания. Исследования проводились в 22 субъектах РФ и охватили 112 поселений, в том числе 2 мегаполиса, 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 19 поселков городского типа (ПГТ) и 37 сел. Районирование осуществлялось по федеральным округам Российской Федерации. Сбор первичной информации осуществлен методом очного персонального интервью³.

Сопоставление результатов исследований 2021 и 2022 гг. интересно тем, что первое из них зафиксировало состояние массового сознания в условиях относительно спокойного времени, второе же отразило общественные настроения в момент начала специальной военной операции (СВО) Вооруженных сил РФ и ЛДНР. Усилилось значение факторов риска и неопределенности, на что российское общество отреагировало резким повышением уровня тревожности (в 2021 г. 62% россиян оценивали ситуацию в России

¹ В оригинале слово «будущее» использовано во множественном числе («Futures»), подчеркивая множественность вариантов будущего.

² РФФИ, проект № 20-18-00505.

³ Для анализа изменений ряда показателей использовались данные исследования «Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век» Института социологии РАН, проведенного в 2000 г. методом очного интервью по репрезентативной выборке (N = 2050).

как кризисную или катастрофическую, в 2022 г. – 86%). В подобных ситуациях всегда возникают новые ожидания, способствуя пересмотру сложившихся социальных представлений и возникновению запроса на формирование новых образов будущего. Опираясь на результаты социологических исследований, можно зафиксировать исходные параметры данного процесса, определить «социальный профиль» его участников и высказать суждения о его вероятной динамике.

Представления россиян о желаемом будущем страны и проблема цивилизационного самоопределения России. Хотя в представлениях россиян о будущем прослеживаются поддерживаемые большинством доминанты, они не единообразны. В основе размежевания лежит выбор между двумя принципиально разными стратегиями развития России, одна из которых ориентирована на следование западным образцам, другая – на собственный опыт, собственные ценности и на некую историческую миссию, отличную от той, которую олицетворяет и реализует Запад. Эта идеализированная схема на практике осложняется дополнительными альтернативами, противостоянием демократических и авторитарных, имперских и националистических, социалистических и буржуазных тенденций. Однако на данный исторический момент проблема цивилизационного самоопределения России в системе координат «Восток – Запад» является самым сильным дифференцирующим признаком, определяющим строй мировоззрения.

На протяжении двух десятилетий большинство россиян высказывается против безоглядного заимствования чужого опыта⁴. После признания Россией независимости народных республик Донбасса и последовавших за этим событий оппозиция Западу и ориентированной на Запад стратегии развития среди россиян значительно выросла. Одновременно заметно увеличилась доля россиян, одобряющих путь, по которому идет современная Россия (55% – в 2021 г., 71% – в 2022 г.), а доля считающих, что этот путь ведет в тупик, значительно уменьшилась (с 45 до 29%)⁵.

Обращают на себя внимание изменения, которые характеризуют запрос россиян на те или иные варианты будущего. Эти изменения не выливаются в коренной пересмотр сложившейся в массовом сознании «картины мира», которая носит устойчивый характер. Но они примечательны и могут рассматриваться среди других характерологических черт российского социума, определяющих его своеобразие на фоне других обществ. На первое место в списке социальных характеристик, которые наши сограждане хотели бы видеть у России будущего (рис. 1)⁶, они выдвинули обеспечение социальной справедливости (в 2021 г. за это высказался 51%, в 2022 г. – 47% опрошенных). На втором месте не реализация прав человека и демократия, а сильная власть, обеспечивающая в стране порядок и эффективную стратегию развития (31 и 40% соответственно). Отметим заметное (с 26 до 35%) увеличение доли желающих, чтобы Россия и в будущем сохранила за собой роль великой державы, объединяющей разные народы. На 5 п.п. (до 39%) вырос за год престиж национальных традиций и традиционных ценностей, но эта тенденция не свидетельствует об изоляционистских настроениях – число желающих, чтобы Россия и впредь сохраняла тесные партнерские отношения с Западом, практически не уменьшилось (как и годом раньше, с таким пожеланием солидаризировался приблизительно каждый седьмой).

⁴ Показательны ответы на вопрос с выбором альтернатив: «С каким из нижеприведенных суждений вы согласны в большей степени?»: «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны» (35% – в 2021 г., 23% – в 2022 г.), «Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни» (65 и 77% соответственно). И эта тенденция устойчива.

⁵ Точная формулировка вопроса с выбором одной из альтернатив: «Существуют различные точки зрения в отношении того, как и в каком направлении должна развиваться Россия. С каким из нижеприведенных суждений вы согласны в большей степени?»: «Путь, по которому идет современная Россия, даст в перспективе положительные результаты», «Путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик».

⁶ Точная формулировка вопроса: «Какой вы хотели бы видеть Россию будущего?»; полный перечень вариантов ответа представлен на рис. 1; допускалось не более трех вариантов.

Рис. 1. Желаемый образ будущей России в массовом сознании россиян, 2021–2022 гг., в % от опрошенных

Представления о будущем и исторический опыт. Выражая свое понимание национальных целей и задумываясь о будущем, наши сограждане опираются на исторический опыт России. Вопрос о том, какие уроки для настоящего и будущего следует извлечь из этого, неоднократно задавался в ходе исследований разных лет. Как выяснилось, самый очевидный из этих уроков состоит в том, что нам надо жить своим умом, не копировать иностранные образцы. Такой вывод делают для себя 35–40% россиян. Данный показатель незначительно варьируется по годам, но на протяжении последних двух десятилетий он очень мало менялся⁷. Противоположной точки зрения – «Западная модель развития

⁷ Здесь и далее рассматриваются ответы россиян на вопрос: «Как вы думаете, какие главные уроки должна извлечь Россия из исторического опыта прошедшего столетия?» (не более трех ответов)

наиболее эффективна, и Россия должна ей следовать» – придерживаются не более 4–5% населения страны. Доля тех, кто счёл Россию страной, фатально обреченной на неудачи («в России никогда ничего хорошего не получится»), составляет не более 5%.

По мере втягивания страны во все более острую конфронтацию с Западом у россиян усиливались сомнения в приоритете экономики перед политикой, в том, что реформы в стране надо было начинать с экономики, а не с политических преобразований: по сравнению с 2000 г. доля разделяющих такую точку зрения уменьшилась примерно в полтора раза (с около 40 до 26%). Параллельно уменьшается и доля тех, кто связывает процветание страны с созданием условий для желающих работать и зарабатывать: в целом по сравнению с 2000 г. она сократилось с 35 до почти 24%. В основном этот тезис поддерживают лица с высокими доходами; в данной группе его сторонников примерно наполовину больше, чем в среднем по стране. В то же время слабо выражен рост числа граждан, считающих, что социализм подходит нашей стране больше, чем капитализм.

Продолжая анализ влияния исторического опыта на коллективное самосознание российского общества, хотелось бы обратить внимание на то, как преломляется в динамике мнений тема «сильного» государства и «сильного» политического лидерства. Русских, россиян вообще, нередко уличали в неискоренимой приверженности к деспотизму, как повод для антироссийских политических кампаний и даже прямой русофобии. Международные события на исходе зимы 2021–2022 гг. вызвали сплочение общественных слоев вокруг президента В.В. Путина и укрепили его положение политического лидера страны. В зарубежных (порой и в отечественных) СМИ это интерпретируется как свидетельство существования в российском обществе сильного запроса на авторитаризм. На наш взгляд, такая интерпретация не согласуется с эмпирическими данными, характеризующими массовые настроения россиян. Если авторитарный запрос в российском обществе и существовал, то в последние десятилетия он слабел. В 2000 г. с тезисом «Россия может процветать только тогда, когда во главе ее – сильная личность, хозяин» солидаризировались почти 29% россиян, в 2017 г. – 22%. Весной 2022 г. – после начала специальной военной операции на Украине – его поддерживали те же 22%.

Соответственно описанным тенденциям во взглядах на уроки прошлого и перспективы развития страны произошла умеренная корректировка, касающаяся оценки значимости задач, решение которых должно обеспечить наступление лучшего будущего⁸. Расстановка приоритетов осталась той же, что мы фиксировали год назад и несколько ранее, но «вес» отдельных задач, которые необходимо решить российскому обществу и государству, изменился. На первом месте для сограждан по-прежнему стоит борьба с коррупцией (40% – в 2021 г. и 42% – в 2022 г.). Затем со сравнительно небольшими разрывами следуют смягчение социальных неравенств и формирование эффективной наукоемкой экономики: эти пункты набирают в свою поддержку до 35% сторонников каждый, но по первому из них не было увеличения по сравнению с прошлым годом, значение второго увеличилось на 7 п.п. Существенно возросла доля граждан, назвавших в числе своих приоритетов укрепление суверенитета России и ее позиций на мировой арене (с 26 до 34%). Снижение наложенных на Россию санкций, похоже, для россиян не предмет озабоченности – эту позицию отмечал один из восьми. В остальном представления большинства об актуальных задачах, которые стоят перед страной, практически не изменились. В числе главных приоритетов российского общества остаются обеспечение равенства всех перед законом и увеличение

из 13 суждений). Среди не озвученных в тексте присутствовали следующие: «Нельзя жить без веры в Бога» (18% – в 2022 г.), «В России нельзя допускать чрезмерной концентрации власти в одних руках» (18%), «Несмотря на отдельные достижения, советская власть завела страну в тупик» (8%), «Запад – извечный враг России, именно он противодействует ее процветанию» (22%), «Нельзя менять жизнь методом революций, необходимы постепенные преобразования в обществе» (22%).

⁸ Ответы на вопрос: «В последнее время много говорят о необходимости дальнейшей трансформации российского общества с учетом новых реалий. Как вы полагаете, какие задачи Россия должна решать в первую очередь?» (не более трех из 11 суждений).

бюджетного финансирования медицины, образования, культуры. Мало изменились мнения россиян по вопросам либеральной повестки, которые обычно воспринимаются в российском обществе довольно индифферентно (демократическое обновление общества, расширение прав и свобод, расширение возможностей для свободного предпринимательства, поддержание российских ценностей и исторических традиций).

Путь в будущее: решение актуальных проблем. Что требуется для решения задач, которые, по мнению россиян, в настоящее время стоят перед страной? Необходимы ли для этого коренные перемены, новые политические и экономические реформы? Или больше нужны устойчивость, стабильность, постепенность, преемственность в развитии и снижение уровня генерируемых рисков? Весной 2021 г. мы фиксировали, что мнения россиян по данному вопросу разделились почти пополам [Андреев А., Андреев И., 2021], с тех пор индикаторы популярности каждой из этих альтернативных точек зрения сблизились. Если год назад первую из них поддерживали 47% россиян, вторую – 50%, то по результатам опроса 2022 г. эти показатели еще более сблизились (50 против 48%). В абсолютных цифрах это очень небольшое изменение. Но в первом случае количество сторонников стабильности пусть немного, но превышало число желающих коренных перемен, тогда как в самое последнее время соотношение становится обратным.

Анализ показывает, что наиболее «сильными» дифференцирующими признаками в данном случае являются возраст и уровень доходов. В возрастной группе до 25 лет доля энтузиастов коренных перемен поднимается до 68% (на 18 п.п. больше, чем в среднем по выборке), численность предпочитающих стабильность падает до 30%. С увеличением возраста этот разрыв постепенно сокращается, преобладание сторонников стабильности устанавливается после 46 лет. В самой пожилой возрастной группе (старше 65 лет) значение соответствующего показателя представляет собой почти точную инверсию того, что мы наблюдаем в самой младшей возрастной когорте: 34% за перемены и 65% против. Среди граждан с наиболее высокими среднедушевыми доходами в домохозяйстве (выше 2 поселенческих медиан) доля сторонников перемен составляет 62%, противоположную позицию занимают 37%. С падением уровня доходов тяга к решительным переменам затухает: в медианной группе (от 0,76 до 1,25 поселенческих медиан) численность приверженцев стабильности немного преобладает, среди граждан с низкими доходами наблюдается паритет противоположных точек зрения. Менее выражена, но все же очень заметна, корреляция между жадой коренных перемен и такими параметрами, как тип поселения и уровень образования. В целом в мегаполисах и среди граждан, закончивших высшие учебные заведения, стремление к переменам на 2–4 п.п. выше, а стремление к стабильности на столько же ниже, чем в среднем.

Идеологическая дифференциация населения на основе образов желаемого будущего страны. Из приведенных данных можно сделать вывод, что запрос на перемены в России усиливается, в качестве «возмутителя спокойствия» выступает наиболее «продвинутой» и социально динамичная часть населения. На этот запрос надо реагировать, понимая при этом конкретную суть данного запроса. Для одних желаемые перемены – это уменьшение неравенства, для других – неограниченная возможность «зарабатывать», для кого-то это возвращение к традициям, для кого-то – новый путь в Европу и т.д. Среди поборников перемен всегда находятся такие, у кого нет определенного осмысленного и идеологически обоснованного образа желаемого будущего, им просто хочется некой «встряски».

Выявить социальные типы, различающиеся по комплексу характеризующих их представлений о должном и запросов на будущее, связанных между собой в определенное смысловое единство, позволяет метод кластеризации данных. Использование метода двухэтапного кластерного анализа позволяет разделить россиян на 6 групп, три из которых (№№ 1–3) являются носителями ярко выраженных, непротиворечивых и отчетливо различающихся между собой мировоззренческих позиций, еще две (№№ 4–5) характеризуются менее выраженным социально-психологическим и идеологическим «профилем», последняя (№ 6) объединяет тех, у кого позиция противоречива и не в полной мере еще

Таблица 1

Группы россиян, формирующиеся на основе желаемого образа будущей России, 2022 г.
(% людей, придерживающихся того или иного мнения в составе группы)

Желание видеть Россию страной...	Группы россиян (№№)						В среднем по стране
	1	2	3	4	5	6	
в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности	100	13	82	34	25	21	39
в которой существует сильная власть, обеспечивающая порядок и развитие в ней	0	100	91	0	58	39	40
сохранившей национальные традиции, моральные и религиозные ценности, проверенные временем	0	45	88	36	56	37	39
активным партнером Запада	35	0	0	0	0	26	14
в которой обеспечиваются свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	40	0	0	0	0	46	21
в которой обеспечивается социальная справедливость	55	31	0	54	100	28	47
в которой ограничиваются социальные неравенства и социальное расслоение	22	0	0	13	20	24	17
в первую очередь, для русских, то есть русским национальным государством	0	0	0	0	0	25	8
великой державой мира, объединяющей разные народы	0	100	0	100	0	20	35
Справочно: численность россиян, входящих в группу, % населения	15	12	7	17	17	32	–

Примечание. Сумма по столбцу превышает 100%, т.к. при ответе на вопрос допускалось до 3 вариантов ответа; серым фоном выделены ячейки, значения в которых превышают 75% (т.е. те мнения, которые поддерживаются подавляющим большинством представителей группы).

сформирована (табл. 1). Отличительной чертой последней группы выступает то, что она единственная объединяет в себе всех до единого сторонников нетипичной для подавляющего большинства россиян (поддерживаемой 8% граждан) идеи создания русского национального государства.

Представители группы приверженцев западного пути развития (группа № 1) хотят соблюдения прав человека, демократии, как минимум каждый третий – партнерства с западными странами и обеспечения свободного рынка с минимальным вмешательством в его функционирование со стороны государства (табл. 1). Каждый второй ее представитель желает справедливости, по-видимому, в либеральном англосаксонском толковании. В дальнейшем мы будем называть эту группу «новыми западниками».

Группа № 2 объединила людей, желающих видеть Россию великой мировой державой с сильной властью, обеспечивающей мир и порядок. Эти два мнения одновременно высказал каждый человек, попавший в ее состав. В качестве третьего ответа чаще отмечалось сохранение российских национальных традиций. Данную группу лучше всего называть «жесткими государственниками».

По мировоззренческим характеристикам заметно выделяется группа № 3. Представители этой группы также хотят жить в стране с сильной властью, которая чтит

национальные традиции. Но вместе с тем это должна быть демократическая страна, в которой обеспечены защита прав граждан и свобода самовыражения. Выбор представителей данной группы – назовем их «мягкие государственники» – четко ограничен первыми тремя строками приведенной таблицы.

Две оставшиеся группы россиян характеризуются своим главным запросом. Для группы № 4 это желание видеть страну великой мировой державой, для группы № 5 – желание жить в справедливом обществе.

Дальнейший анализ будет сфокусирован на рассмотрении трех групп (№№ 1–3). Авторы статьи осознанно прибегают к такому ограничению, несмотря на то что в общей совокупности данные группы охватывают лишь треть населения страны (табл. 1). Причиной служит то, что только эти три группы в ходе детального анализа широкого ряда показателей продемонстрировали значимые на общестрановом фоне отличия, позволяющие судить о том, кто является носителем данных взглядов⁹. Три остальные группы, охватывающие 2/3 населения страны, по анализируемым показателям, в том числе по стандартным социально-демографическим и социально-экономическим (пол, возраст, место проживания, профессия, доход, состав семьи и мн. др.), не продемонстрировали значимых отличий и представляют собой усредненный портрет российского общества, что и привело авторов к одному из ключевых выводов исследования. Рассмотрим подробнее портреты этих групп (табл. 2).

Первые – «новые западники» – люди, во многом оторванные от корней. Лишь один из пяти представителей этой группы интересуется историей своей семьи, остальным до нее нет дела, их интересуют текущие житейские проблемы. Среди «новых западников» чаще можно встретить тех, кто не знает, как относиться к истории своей страны, 30% испытывают по отношению к историческому прошлому смешанные чувства либо стыдятся его. В среднем по стране таких почти вдвое, среди «государственников» втрое меньше (16 и 10%). Представители данной группы наименее религиозны: 22% среди них – атеисты, в совокупности с теми, кто верит в наличие абстрактной высшей силы, не относя себя ни к какой конфессии, – 37%. Среди «государственников» («жестких» и «мягких») неверующих и верящих в абстрактную высшую силу 16–17%. «Новые западники» не склонны доверять практически никому, кроме

Таблица 2

**Наиболее значимые характеристики «новых западников», «жестких» и «мягких»
государственников, 2022 г., %**

Характеристики	«Новые западники»	«Жесткие государственники»	«Мягкие государственники»	В среднем по стране
<i>Историческая память</i>				
Не интересуются историей семьи	19	7	9	14
Испытывают смешанные чувства относительно истории страны / стыдятся ее	30	10	16	16
Лояльны к сносу памятников и переименованию улиц	17	4	9	10
<i>Уровень недоверия к разным институтам, организациям, лицам</i>				
Президенту	51	9	14	26
Правительству	63	25	30	41
Руководителю республики, губернатору и пр.	67	32	42	47

⁹ С точки зрения же стандартных социально-демографических характеристик (пол, возраст, места проживания и пр.), как показано далее, от общестранового портрета не отличаются и они, что приводит авторов к значимому выводу, представленному в заключение статьи.

Окончание таблицы 2

Характеристики	«Новые западники»	«Жесткие государственники»	«Мягкие государственники»	В среднем по стране
Российской армии	47	9	16	24
Российской академии наук	43	23	28	32
Церкви	58	32	30	42
<i>Защита прав и интересов человека</i>				
Не согласны с тем, что государство должно в первую очередь отстаивать интересы народа, а не интересы личности	32	12	10	20
Считают, что законы можно нарушать, если они устарели или не соответствуют нынешним реалиям	43	35	22	34
Считают, что правительство не вправе влиять на правосудие, даже если этого требуют интересы государства	59	30	37	45
Считают, что любой человек в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	81	49	66	66
Согласны с тем, что если СМИ или блогеры нарушают интересы государства, то их свободу стоит ограничивать	42	81	66	62
<i>Оценка власти и пути развития страны</i>				
Считают, что нынешний путь заведет Россию в тупик	34	10	16	29
Считают, что власть надо поддерживать в любых обстоятельствах	52	92	85	76
Считают, что власть надо сменить во что бы то ни стало	47	8	12	23
Считают, что санкции приведут к крайне негативным последствиям	45	14	19	26
Не одобряют специальную операцию на Украине	44	5	13	21
Стыдятся России	20	6	8	10

Примечание. В ячейках отражена доля представителей группы, для которых типично то или иное убеждение/характеристика (для оставшихся из 100% представителей группы типично противоположное мнение/характеристика); в таблице сведены и сгруппированы по содержательным блокам ответы на вопросы исследования, предоставляющие наибольшую ценность для анализа и интерпретации.

ближайшего круга. Уровень доверия к президенту здесь низкий (49%, в среднем по стране – 73%, среди «жестких государственников» – 91%). Можно было ожидать, что они более благосклонны к таким неотъемлемым элементам современного модернизированного общества,

как научное сообщество (в лице Академии наук) и НКО. Однако по отношению к ним «новые западники» демонстрируют самый высокий уровень недоверия¹⁰.

Подавляющее большинство в данной группе согласно с тем, что любая личность имеет право в любой ситуации отстаивать свои права, даже в виде бойкотов, забастовок и демонстраций. Они хотят, чтобы государство защищало интересы малых групп, и не поддерживают политический вектор, который избрало правительство, и действия властей, в особенности происходящие в последние месяцы, 44% не поддерживают специальную операцию на Украине, 45% считают, что санкции западных стран нанесут непоправимый ущерб нашему обществу. Из совокупности этих характеристик понятно, почему каждый пятый стыдится своей страны (вдвое больше среднего по стране и как минимум втрое больше, чем в группах №№ 2–5), каждый третий убежден, что Россия идет путем, который заведет ее в тупик, каждый второй считает, что нынешнюю власть надо сменить во что бы то ни стало. Каждый пятый из числа «новых западников» практически готов уже завтра присоединиться к протестным акциям. Учитывая то, что данная группа охватывает 15% россиян, это настораживающий факт.

«Жесткие государственники» отличаются наибольшей долей тех, кто гордится российской историей и страной в целом, – 47% представителей этой группы ценят историю своей семьи, 33% прилагают усилия по ее изучению. Ввиду более бережного отношения к истории они чаще выступают против стирания исторической памяти (68 против 58% по стране в целом). Рассуждая о *скрепах российского общества*, 55% из этой группы утверждают, что россиян роднит и объединяет историческая память (против 39% по стране)¹¹. В качестве основы солидарности с гражданами России 51% называют *ответственность за судьбу страны*. Это очень показательная черта: во всех остальных группах доля придерживающихся такого мнения не превышает 34–37%. «Жестких государственников» отличает *уверенность в правильности пути, по которому в настоящее время идет страна* (89 против 71% в среднем по стране), и в то же время самое выраженное неприятие западного пути; 91% из этой группы твердо убеждены, что Россия – особая цивилизация (против 77% в среднем). Они испытывают *наивысшее доверие* ко всем ключевым уровням власти, лично президенту (91 против 73%), ко всем принимаемым ими *решениям*. Они выделяют наивысшей степенью одобрения специальной операции (70%), ни в одной другой группе доля сторонников не превышает половины, в среднем по стране составляет 46%. По этой причине представители данной группы спокойнее всех восприняли события февраля–марта 2022 г. и не склонны переживать по поводу наложенных на Россию санкций (42% считают, что санкции принесут российской экономике определенную пользу). Лояльность к нынешней власти проявляется и в том, что «жесткие государственники» хотят еще большей ее централизации (76 против 57%). Они убеждены, что какие бы действия ни предпринимали власти, их нужно поддерживать, терпимее всех остальных относятся к вмешательству правительства в судопроизводство. Это объясняется их убежденностью в том, что надо отстаивать интересы большинства. 81% считают, что свободу блогеров и СМИ, действующих против интересов страны, следует ограничивать.

Третья группа – «мягкие государственники» многим напоминают предыдущую, но характерологические показатели, по которым «жесткие государственники» отличаются от средних по стране и от «новых западников», проявляются в данной группе не столь ярко

¹⁰ В общей сложности сопоставлялся уровень доверия к 19 организациям при ответе на вопрос: «А вы доверяете или не доверяете в целом следующим государственным и общественным институтам?» (в т.ч. из не представленных в табл. 2, в которой отражены наиболее показательные данные, – органам местного самоуправления, Государственной думе России, Совету Федерации, политическим партиям, полиции и органам внутренних дел, прессе, Интернету и социальным сетям, профсоюзам, судебной системе, общественным организациям (экологическим, благотворительным, правозащитным), российским банкам, Центральной избирательной комиссии).

¹¹ Не считая гражданства и территории, на которой проживает русский народ, – позиций, самых часто называемых.

Рис. 2. Доля групп, солидарных в отношении желаемого образа будущей России, среди россиян разных возрастов, 2022 г., в % от опрошенных

и рельефно. От «жестких государственников» их отличает еще несколько особенностей. Во-первых, никто из «мягких государственников» не отметил стремление видеть нашу страну великой мировой державой как приоритетное. Во-вторых, они более чувствительны к стиранию исторических «маркеров» (снос памятников и т.п.). В-третьих, среди «мягких государственников» 78% не готовы нарушать законы даже в случае, если они не соответствуют нынешним реалиям (среди «жестких государственников» таких 65%). Можно говорить о том, что эмоциональная напряженность, склонность к крайностям в этой части политического спектра менее выражена, чем у «жестких государственников». Рассуждая о том, что роднит рассматриваемую группу с остальными гражданами России, надо отметить, что они немного чаще «жестких государственников» называют в числе приоритетов культуру и религиозные ценности.

Видя значимые различия между «новыми западниками» и «государственниками», мировоззренческие особенности первых и вторых, нельзя не поставить вопрос: «Так кто же эти люди? Является ли горячность «новых западников» – идеей, зажигающей умы молодых поколений, сформировавшихся в информационном поле постмодерна, а непоколебимый патриотизм – чертой поколений уходящих поколений?».

Как мы убедились, сопоставление представлений о будущем России по возрастным когортам в целом не дает оснований для такого рода утверждений (рис. 2). С одной

стороны, среди молодежи в возрасте 18–25 лет больше всего сторонников прозападных настроений. С другой стороны, с 26-летнего возраста эти взгляды теряют популярность. Возможно, это связано с этапами жизненного цикла, для которых в ранних возрастах в принципе типичен идеализм, максимализм и горячность, в старших возрастах – взвешенность суждений, отказ рассматривать события и явления в черно-белом ключе, склонность мириться с обстоятельствами, нежелание резких перемен. Но, может, описываемая тенденция демонстрирует зачаток новых идеалов, продвигаемых молодым поколением.

Неожиданным результатом кластерного анализа явилось то, что ни одна из классификаций по объективным социальным признакам не позволяет зафиксировать границы выделенных групп – они практически не отличаются от усредненного состава российского общества и представлены людьми всех возрастов, профессий, уровней образования и т.д. Единственная поправка к данному утверждению: среди «новых западников» чаще встречается молодежь (44% моложе 36 лет, в среднем по стране – 29%), но столь заметное отличие наблюдается только в данной группе и исключительно в срезе по возрастам.

Это подтверждает мысль о том, что в современном российском обществе базовые социально-демографические и статусные характеристики не выступают дифференцирующими показателями при описании мировоззренческих расхождений, включая представления о будущем [Латова, 2019]. В частности, мы не можем сказать, что «новые западники» в подавляющей массе – молодежь, а «жесткие государственники» – это пожилые граждане. Мы не увеличим шансы встретить «государственников», если поедем в малую Россию, или «новых западников», если обратим свой взор на мегаполисы. Этот вывод означает серьезный вызов для российской политики и для выявления зон локализации полярных социально-политических настроений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л., Андреев И.А. Россия-2021: переживание настоящего и взгляд в будущее // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 82–92.
- Латова Н.В. Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст) // Journal of Institutional Studies. 2019. Т. 11. № 3. С. 119–134.
- Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд. полит. лит., 1955.
- Цой Л.Н. «Будущее» как социологическое понятие // Мир психологии. 2013. № 2. С. 120–134.
- Bell W. Public Sociology and the Future: the Possible, the Probable, and the Preferable // Handbook of Public Sociology / Ed. by V. Jeffries. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2009.
- Urry J. What is the Future? Cambr.: Polity Press, 2016.

Статья поступила: 26.05.22. Финальная версия: 11.08.22. Принята к публикации: 07.09.22.

RUSSIANS' IDEAS ABOUT THE FUTURE OF RUSSIA

ANDREEV A.L.*, ANDREEV I.A. **, SLOBODENYK E.D.*

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; **National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Russia

Andrey L. ANDREEV, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov, National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (sympathy_06@mail.ru); Ivan A. ANDREEV – Assistant, National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (v-andreev_07@mail.ru); Ekaterina D. SLOBODENYUK, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Senior Researcher, Institute for Social Policy, National Research University "Higher School of Economics" (eslobodenyuk@hse.ru). All – Moscow, Russia.

Acknowledgements. The study was funded by Russian Scientific Foundation (Project No 20-18-00505).

Abstract. The subject of the article is the social ideals of Russians and their ideas about the prospects and the ways for the development of the country. Based on the results of All-Russian sociological surveys, including those conducted in 2021–2022, the article analyzes consolidated Russians' demand for future options, clears up the conceptual foundations of such demand and identifies their social subjects. Comparing the results of sociological studies of various years, the authors of the article note stable ideas of the Russian population about the further development of the country. In the first place among the qualities that Russia of the future should possess, most Russians call social justice, overcoming corruption, mitigating social inequalities, transition to an innovative economy, strengthening the country's international positions. At the same time, as shown in the article, in their understanding of national goals and in their requests for the future, Russians rely on collective historical experience, the quintessence of which is the conviction by the majority of citizens that "Russia should live by its own mind", not looking at imported models and patterns, including Western ones. Accordingly, liberal values in their Western understanding attract only a minority of citizens. In this regard, the article raises the question of how differing perceptions of what is due and desirable in regard to Russia's future correlate with basic social differences (gender, age, education, place of residence, etc.). It is shown that the differentiation of Russians' views on this issue is practically not related to standard socio-demographic differences being rooted in their worldview choice. It is shown that, despite growing anxieties caused by the change in the political situation in the world, values and demands of Russians for the future basically fit into the trends traceable in sociological surveys of the past two decades.

Keywords: images of the future, sociology of the future, Russian society, Russian mentality, development model.

REFERENCES

- Andreev A., Andreev I. (2021) Russia-2021: Experiencing the present and looking into the future. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 82–92. (In Russ.)
- Bell W. (2009) Public Sociology and the Future: the Possible, the Probable, and the Preferable. *Handbook of Public Sociology*. Ed. by V. Jeffries. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers.
- Latova N. (2019) The Actors of the Request for Institutional Changes in Modern Russia (the Socio-psychological Context). *Journal of Institutional Studies*. Vol. 11. No. 3: 119–134. (In Russ.)
- Marx K. (1955) Theses about Feuerbach. In: Marx K., Engels F. *Writings*. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Gos. izd. polit. lit. (In Russ.)
- Tsoi L. (2013) "Future" as a sociological concept. *Mir psikhologii* [World of Psychology]. No. 2: 120–134. (In Russ.)
- Urry J. (2016) *What is the Future?* Cambridge: Polity Press.

Received: 26.05.22. Final version: 11.08.22. Accepted: 07.09.22.